

УДК 9.93/94(159.947)

Н.Н. Гарунова¹, А.П. Скорик², А.А. Цыбульникова³

Событийность, традиционализм и повседневность в межнациональном взаимодействии студенческих сообществ Северного Кавказа

¹ Дагестанский государственный университет; garunovanina@mail.ru

² Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова; s_a_p@mail.ru

³ Армавирская государственная педагогическая академия; ana555000@yandex.ru

Статья освещает процессы, происходящие в студенческой среде, которые становятся не только зеркалом, но и специфической моделью будущих национальных процессов республики.

Ключевые слова: *повседневность, межэтническая напряженность, местная власть, национальная идентификация, полиэтничный регион, социологический мониторинг, студенчество, этническая толерантность, этнический социотип, этнокультурный диалог, южно-российский вуз.*

Сегодня историки и политологи все чаще обращаются к теме межэтнического взаимодействия, наличия естественной социально-психологической реакции на образ Другого. Актуальность проблем восприятия, вероятностного соприкосновения с инокультурной общностью в студенческой среде довольно высока, что позволило презюмировать социологическое исследование, осуществленное по методике квотной выборки (с учетом этнического состава контингента обучающихся) в трех вузах: Дагестанском государственном университете, Армавирской государственной педагогической академии и Южно-Российском государственном политехническом университете (НПИ) имени М.И. Платова в конце 2012 и в 2013 гг. В своем повседневном общении межэтнический контекст отчетливо фиксируют 51,4 % опрошенных, когда им задавали прямой вопрос «Обращаете ли Вы внимание на то, что рядом с Вами живут, работают, проводят свободное время представители другой национальности?». Но если учитывать предложенные косвенные этносоциальные индикаторы и индивидуальную реакцию на смежные вопросы, касающиеся, например, отношения к межэтническим бракам и участия в разрешении межэтнических конфликтов, то ситуация существенно изменяется и уровень ответной социальной реакции достигает 85–87 % среди опрошенных, иначе говоря, наличествующая индифферентная студенческая микрогруппа составляет около 15 % респондентов из общей выборочной совокупности по трем вузам. Тем самым наличествующее социально-психологическое воздействие окружающего полиэтнического пространства ощущает подавляющее большинство студенческой молодежи из числа опрошенных, хотя, безусловно, качественные параметры этого воздействия заметно отличаются. В ДГУ для студентов полиэтничность более привычна и психологическая реакция на присутствие Другого менее остра, но одновременно в ЮРГПУ (НПИ) эти явления ощущаются гораздо острее.

Можно говорить о развитости личностной коммуникации, внутренней открытости и готовности ценить настоящие человеческие отношения в студенческой среде южно-российских городов, ибо подавляющее количество респондентов (69 %) считают, что «ничто не может помешать настоящей дружбе». Для значительной группы опрошенных (22,8 %) сдерживающим условием для развития дружеских отношений является уважение к обычаям и традициям со стороны человека другой национальности, однако считать изначально данное условие неприемлемым встречным требованием нельзя. По-

этому при вполне допустимом суммировании двух вышеназванных доброжелательных позиций студентов можно констатировать существование достаточно высокого потенциала для формирования этнической толерантности в региональных вузах [1].

Межличностное отчуждение, базирующееся исключительно на национальной почве, социально-психологическое отторжение образа Другого, неуверенность в прочности межнациональной коммуникации, характерных для студенческой молодежи, складывались в настоящем исследовании из трех индикаторов: «нет, человек из другой среды никогда не сможет понять меня» (к этому склонны 1 % респондентов), «наши отношения сохранятся лишь на уровне знакомства» (5,2 %); «нет, человек чужой национальности рано или поздно меня предаст» (1 %). Казалось бы, при таких количественных параметрах ответов можно было бы и не обращать на это внимания, но накопленный процент по трем индикаторам дает уже знаковую цифру.

О степени включенности опрашиваемых студентов в конфликтогенные отношения с подтекстом межнационального противостояния можно отчасти судить по ответам на прямой вопрос: «Приходилось ли Вам в повседневной жизни сталкиваться с конфликтами на межэтнической почве?». Накопленный процент по утверждающим индикаторам «да» и «скорее да, чем нет» составил 41,2 % респондентов. Однако формулировка вопроса в иной форме повышает эту планку вовлеченности в межэтническое противоборство, поскольку по вполне понятным причинам части опрошенных межнациональный конфликт не добавляет приятных эмоций, а отсюда естественное нежелание акцентировать на такой ситуации свое внимание. Когда же модераторы проекта (Гарунова Н.М., Цыбулькинова А.А., Скорик А.П.) попытались узнать через анкетный вопрос «Как выглядел межэтнический конфликт, в который Вы были вовлечены?», то 87,2 % респондентов по их собственному заявлению оказались в той или иной форме (в том числе и бытовой) свидетелями и/или участниками конфликта на межэтнической почве. Если же целенаправленно выделить исключительно группу участников межнационального конфликта, то она достигает 54,5 % в выборочной совокупности, что подтверждает первоначальную авторскую гипотезу о наличии определенного уровня межэтнической напряженности в среде студенческой молодежи Северного Кавказа. По степени остроты межнационального противостояния и соответствующей вовлеченности студентов в межэтнические конфликты мы бы условно выделили три уровня: экстремистский, агрессивный, пассивный.

Первый уровень – экстремистский – складывается из двух вариантов ответов: «люди применили оружие против обидчиков, не обошлось без потерпевших» (4,7 % респондентов) и «столкнулись (без оружия) десятки людей, вызывали полицию» (4,7 %). При этом полученный валидный процент составляет 9,4, а накопленный процент – 10,4, поскольку четко выразили свою позицию только 87,2 % участников опроса. Тем самым в вероятностную молодежную микрогруппу «непримиримых» оказывается вовлеченным каждый десятый из числа опрошенных нами студентов.

Причинно-следственный комплекс таких антиобщественных настроений и императивных поведенческих реакций в студенческой среде, как нам представляется, объясняется прежде всего пока не преодоленным после «шалых» 1990-х гг. ослаблением российской государственной власти и наличествующей тенденцией дискредитации властных институтов на местах (кстати, уверены, что местные власти держат вопросы межэтнического взаимодействия под контролем, только 15,5 % опрошенных). Оказывают свое влияние и распад старой советской, и разрушение традиционалистской систем ценностей, и существенные социально-психологические перекосы в мироощущении молодежи, широкое распространение чувства ущемленности национального до-

стоинства и заметное отсутствие в студенческой среде социального опыта урегулирования проблем межэтнического взаимодействия.

Второй уровень – агрессивный – также складывается из двух вариантов ответов: «была драка, но драчунов удалось разнять» (22,3 %) и «люди столкнулись (на рынке, в магазине и т. п.) и сильно ругались» (15,8 %); хотя эти индикаторы представляют несколько отличные друг от друга комплексы группового агрессивного поведения, но именно общая направленность позволяет их объединить. Более того, названные варианты межнационального противостояния вроде бы по определению указывают на благополучное разрешение конфликтной ситуации на межнациональной почве. Как говорится, пар был выпущен, и есть некоторая вероятность, что произойдет последующее замирение сторон межнационального конфликта. Однако, с другой стороны, очевидное нахождение молодых людей в гнетущей атмосфере негативистских настроений так или иначе закладывает фундамент для новых этнических ксенофобий, неизбежно продуцирующих межэтнические столкновения. Деструктивный характер агрессивного поведения людей на межнациональной почве очевиден, но студенческая молодежь не всегда готова осознавать этот общецивилизационный постулат о деструктивности такого агрессивного комплекса, объясняя свои собственные конфликтогенные порывы фрагментами негативной исторической памяти, реализацией национальных обычаев, актуализацией агрессивных моделей поведения и пр.

Третий уровень – пассивный – также складывается из двух вариантов ответов: «меня (моих знакомых) неприлично назвали, а мы крикнули в ответ» (6,8 %) и «я смотрел со стороны и участия не принимал» (32,8 %). В этом случае респонденты подчеркивают свое нежелание вступать в открытый межнациональный конфликт, даже если их явно провоцируют на противостояние вероятностные контрагенты. Пассивный комплекс поведения студенческой молодежи в моделируемой конкретной ситуации хотя и не содержит угрозы общественному порядку, но, тем не менее, полностью не исключает элементов скрытой агрессии. Однако все же нежелание вступать в межнациональное противостояние, какими бы побудительными мотивами эта микрогруппа студентов ни руководствовалась, в перспективе имеет позитивную направленность [1].

Обращает на себя внимание примерное равенство двух групп респондентов, которые в отношении межнационального конфликта занимают агрессивный (38,1 %) и пассивный (39,6 %) уровни. Это обусловлено не только тем, что, как говорится, «желающих насчет драки подсуетиться» среди опрошенных оказалось недостаточное количество, но и наличием в среде студенческой молодежи тенденции стойкого неприятия экстремистских и агрессивных моделей поведения. Соответственно существуют возможности для снижения конфликтогенного потенциала в этой возрастной когорте молодежи, в том числе соотносимой с выявленной агрессивной средой. Чего больше в объяснении индивидуальной негативной реакции студентов на межнациональные конфликты – боязни и/или страха, а может, давления своего или чужого социального опыта – надо еще детально разбираться.

Разрешение межнациональных конфликтов требует выявления наиболее действенного механизма урегулирования конфликтных отношений, а соответственно выяснения ключевого варианта социальной деятельности для установления добрососедского взаимодействия между народами. Примечательным фактом нашего исследования стала ориентация студентов на выработку позитивного социального опыта преодоления межнационального противостояния преимущественно в рамках гражданского общества. В том, что «люди сами должны искать пути межнационального согласия», уверены 56 % опрошенных. Роль государства как межнационального арбитра признали толь-

ко 9,7 % респондентов. Если же использовать накопленный процент и обратить более пристальное внимание на отчасти косвенный социальный индикатор «надо больше проводить совместных праздников и других мероприятий» (17,7 %), то становится очевидным, что межнациональное противостояние, по мнению современных студентов региональных вузов, во многом может быть преодолено на уровне местного сообщества.

Студенты испытывают реальную насущную потребность в презентации опыта позитивных взаимоотношений представителей разных народов, для вузовской молодежи важно акцентирование внимания на схожих положительных чертах национальных обычаев и традиций (гостеприимства, почитания материнства, уважения к старшим и др.) [2]. Можно говорить об определенной открытости студенческой молодежи к обновлению «старых» и установлению новых позитивных межнациональных контактов. Так, хорошо знают обычаи и проявляют готовность к участию в национальных обрядах другого народа 17,5 % респондентов. Не особо знают, но «не против вместе проводить время» 49 % опрошенных, а хотели бы побольше узнать о традициях иного народа, «чтобы найти друзей», 11,8 % респондентов. Тем самым по накопленному проценту (78,5 %) можно судить о значительном потенциале этнической толерантности. Противостоящая молодежная позиция в этом отношении представлена двумя социальными индикаторами: «мне это абсолютно безразлично» (11,7 %) и «не вижу в этом смысла» (9,8 %). Примечательно, что улучшение социально-психологической атмосферы в межнациональных отношениях студенты склонны видеть именно в налаживании межэтнических контактов. Только небольшая часть опрошенных считает, что «станет жизнь лучше и не будут искать виноватых среди других народов» (10,7 %).

Потенциал этнической толерантности раскрывается и через отношение студенческой молодежи к межэтническим бракам. В этой связи не может не радовать однозначная одобрительная позиция 42,7 % респондентов. С разной долей позитивности к этой принципиально важной для настоящего исследования позиции примыкают еще две микрогруппы студентов: во-первых, индифферентная, представленная в ответах двумя индикаторами «не одобряю для себя, а другие пусть сами думают» (16,7 %) и «мне это безразлично» (13 %), а во-вторых, опосредованная существенным обременением, объединяемая на основе ответов по индикаторам «все зависит от позиции родителей» (9,5 %) и «смотря к какой национальности мой любимый относится (6,7 %)». Безусловно, назвать прозелитистскими выделенные микрогруппы нельзя, но и искать среди них однозначных сторонников межэтнических браков не следует, равно как и нельзя полностью исключить элементы сочувственного отношения.

Противоположная позиция в отношении межэтнических браков представлена в ответах также двумя индикаторами: «сомневаюсь в их целесообразности» (7,3 %) и «категорически против» (4,2 %). В результате накопленный процент по микрогруппе противников межэтнических браков достигает показателя 11,5 %. С одной стороны, образуется устойчивая компаративная референтная группа, и мы ее соотносим с нормативной референтной группой в рамках настоящего исследования, в качестве которой прежде всего рассматриваем микрогруппу сторонников межэтнических браков. С другой стороны, очевидных и последовательных противников межэтнических браков не так уж много (4,2 %), и эта микрогруппа имеет пороговое значение в силу обозначенного числового параметра.

Прослеживается явная дихотомия с одинаковой взвешенностью суждений в оценке управленческих усилий местных властей в решении проблем межэтнического взаимодействия. С одной стороны, каждый шестой участник опроса твердо уверен в полноценном исполнении социально-административной функции по поддержанию межнаци-

ональной стабильности органами местного самоуправления на территории своего муниципального образования, что действительно местные власти «держат эти вопросы под контролем» (15,5 % респондентов). С другой стороны, каждый шестой участник опроса изначально настроен негативно в отношении управленческой способности местных властей к установлению и поддержанию в рабочем режиме каналов межнационального диалога, ибо власть предрасполагает «не защищают права коренного населения» (12,7 %), и более того, даже «потворствуют этническим группировкам и криминалу» (3 %), что указывает на явное присутствие двойных стандартов в деятельности муниципальных органов или же отдельных их представителей [3]. О наличествующей тенденции социальной индифферентности местной власти свидетельствует избранная почти одной третью респондентов индикативная оценка «им все равно, как живут люди разных национальностей» (28,5 %), что указывает на низкую эффективность проводимых на местах мероприятий по расширению возможностей межнационального диалога, на неумение муниципальной власти выстраивать контакты с национальными общинами или недостаточную вовлеченность студенческой молодежи в подобные акции. Однако обнадеживает достаточно распространенное мнение в среде респондентов об имеющемся потенциале местных властей, которые настойчиво стремятся решать существующие межнациональные проблемы, «но это у них не получается» (39,7 %). Тем самым градус общественного доверия в среде студенческой молодежи к органам местного самоуправления довольно высок, учитывая характерные остроту, противоречия и трудности межнационального диалога в северокавказском регионе. С учетом ранее уже обозначенной исключительно позитивной оценки (15,5 %) мы имеем вполне неплохие перспективы для усиления толерантного восприятия студенческой молодежью межэтнического взаимодействия и участия в этом процессе местных властей.

Результаты нашего социологического исследования отчетливо показывают, что свобода совести как естественное право каждого человека достаточно прочно укоренилась в сознании современной студенческой молодежи. Однако в отношении реализации этого неотъемлемого права мы наблюдаем в молодежной среде целый ряд социально-групповых коллизий, которые заставляют задуматься, ибо индивидуальные жизненные траектории молодых людей вполне могут сделать невообразимый зигзаг из-за желания иметь любые убеждения, поскольку часть юношей и девушек свободу совести трактуют исключительно как свободу вероисповедания. На этой почве антирелигиозный и аморальный демарш группы «Pussy Riot» с панк-молебном «Богородица, Путина прогони» выступает явлением одного порядка с антигуманными акциями «лесных братьев» в Дагестане, ибо и те и другие весьма далеки от истинной веры.

Почти половина респондентов в нашем исследовании оказалась не готова открыто дискутировать в отношении свободы вероисповедания. Выявленная партикулярность вероисповедания может истолковываться как достаточно цивилизованное явление, а соответственно подобная позиция молодежи может рассматриваться как довольно приемлемая для широкого общественного мнения. Действительно, вроде бы, нет ничего плохого в наличествующем одобрении тезиса, что «вера – дело сугубо личное, и это лучше не обсуждать» (44,8 %). Вместе с тем это не может не настораживать вдумчивого исследователя, ибо из такого «закрытого духовного пространства» вполне ожидаемы протуберанцы негативной активности прорелигиозного порядка (вплоть до религиозного фанатизма) на фоне подавляющего отказа молодых людей от атеизма.

Атеизм, характерный для поколений советской молодежи, сегодня безнадежно канул в Лету, унеся с собой часть не самой худшей молодежной субкультуры, свободной от религиозных предрассудков. Позиция «Я – атеист, и мне легче общаться с неве-

рующими» оказалась весьма непопулярной в среде опрошенной студенческой молодежи (2,5 %). С другой стороны, мы наблюдаем отчетливую тенденцию религиозного корпоративизма, когда приверженцев индикативной молодежной оценки «Мне приятно общаться только с человеком моей религии» (13,3 %) вполне можно обозначать как особую микрогруппу в составе студенческой молодежи, жестко интровертный характер которой не вызывает у нас никаких сомнений.

В контексте нашего исследования достаточно серьезной проблемой выступает новообращенство, которое мы интерпретируем как интенсивное наращивание религиозных прозелитов определенной церковной и/или квазицерковной организацией, когда молодежь пришла к выбору своей веры, своей религии не естественным путем через семейные традиции, через социальный опыт старших поколений, а под влиянием идеологического давления различных акторов (в том числе ярких религиозных проповедников, и не только в Дагестане) [4]. В таких случаях новообращенство, на наш взгляд, следует рассматривать как канал социального нигилизма, спектр которого достаточно широк: от тоталитарных сект до воинствующих направлений мировых религий. И если сама по себе вера новообращенцев может и не вызывать явного отторжения у окружающих, то стиль поведения, публичная демонстративность некоторых ее представителей заставляют задуматься: а является ли вера для такого человека действительно духовным началом. Когда на всю академическую аудиторию молодой человек в буквальном смысле кричит: «Я мусульманин!» – или так же резко заявляет: «Я православный, а потому вот этого делать не буду», стоит задуматься о том, а насколько вера стала частью его «Я». Может, речь идет об эпатажном молодежном позиционировании не сложившейся еще личности в социальном пространстве?! Квазирелигиозный акционизм для таких молодых людей, увы, важнее истинной веры в Бога, к какой бы религии, системе верований это самое высшее духовное начало ни относилось.

Вместе с тем мы должны констатировать наличие устойчивой тенденции к межконфессиональному диалогу в студенческой среде, выраженной в поддержке индикативной социальной позиции «Я не против поддерживать контакты с верующими другой конфессии» (38 %). Представление о Другом как человеке верующем сегодня отнюдь не вызывает отторжения у молодых людей, а даже становится весьма притягательным коммуникативным стереотипом. Лишь незначительная часть респондентов (1,3 %) указала на то, что «верующие – это люди из другого мира, мне с ними неинтересно».

Подавляющему большинству респондентов оказались близки базовые общеконституционные идеи общей судьбы народов Российской Федерации, прав и свобод человека, бережного сохранения исторически сложившегося государственного единства, уважения к своему Отечеству. Это подтверждает полученный накопленный процент (84,3 %), когда данные по двум индикаторам «Я – гражданин Российской Федерации» (49,7 %) и «Я представитель своего народа, но одновременно я россиянин» (34,2 %) объединяются. При пессимистическом сценарии в такой оценке сложившегося общественного мнения аккумулируемые сведения по второму индикатору выглядят как принципиальная демонстрация общеизвестного права на самоопределение народа. Мы же более склонны отстаивать оптимистический сценарий в вероятностной интерпретации преимущественной аксиологической тенденции в общегражданской самопрезентации студенческой молодежи, ибо лишь незначительная часть респондентов (0,8 %) безапелляционно заявила: «Я – представитель народа, который будет независим от России». Общегражданский патриотизм сюжетно вполне очевиден несмотря на существующие коллизии общественного сознания молодых поколений. Выбор государственного единства, артикулируемый респондентами в объединяемых социальных индикаторах,

принципиально важен в плане смысловой перспективы нашего исследования, поскольку здесь проявляются и этническая толерантность, и общероссийская гражданская идентичность.

А что же на другой стороне этих «общероссийских весов»? Имеется хоть один существенный компонент, способный пусть немного, но отклонить стрелку этих образных весов в иную, антипатриотичную сторону? Увы, но такая социальная микрогруппа среди студенческой молодежи сегодня имеется, и мы зафиксировали, что более чем каждый десятый участник опроса прямо заявил: «Я вообще хочу покинуть Россию и жить за границей» (12,2 %). Безусловно, у каждого из этих респондентов наличествуют свои личные причины выехать навсегда за пределы РФ. Однако не могут не волновать общая направленность складывающихся настроений, значительная численность потенциальных не-россиян. А это означает, что формирующееся социальное самочувствие молодежи в России по определению не соответствует ее ожиданиям, отсутствуют личностные ограничители в прерывании гражданских связей со своим Отечеством, что-то существенное нарушилось в естественной связи разновозрастных поколений.

Маргинальная же группка космополитов довольно невелика среди опрошенных и не составляет сколь-нибудь значимой величины. Свою приверженность позиции «Я космополит, а гражданство нужно только для паспорта» продемонстрировали лишь 2,7 % респондентов. Мы склонны считать это вполне закономерным бриколажем социального индикатора «Я вообще хочу покинуть Россию и жить за границей». Если смотреть с такой позиции, то накопленный процент (14,9 %) становится уже знаковой точкой отсчета в анализе общественных настроений студенческой молодежи. Не замечать подобного рода социальные экспектации нельзя, ибо будущее России во многом зависит именно от молодежи, от ее отношения к укреплению общероссийской государственной перспективы [6]. Только «соединенные общей судьбой на своей земле» молодые граждане России смогут сохранить «сложившееся государственное единство», которое утверждается действующей Конституцией Российской Федерации, двадцатилетие которой мы отметили [7].

Таким образом, проблематика межэтнического взаимодействия в мироощущении студентов региональных вузов Северного Кавказа оказывается достаточно широким этносоциальным контекстом, в рамках которого затрагиваются этническая история, межконфессиональные отношения, молодежная субкультура, общероссийская идентификация и другие вопросы. Здесь очень важно обеспечить не только выявление срезов общественного сознания из различных этнокультурных миров, но и тщательный анализ консолидирующих факторов упрочения этнической толерантности. Среди респондентов нашего исследования по квотной выборке удалось привлечь представителей 29 национальностей. Подавляющее большинство опрошенных в ходе проведения социологического опроса не затруднялось в указании своей национальной принадлежности, а это свидетельствует о том, что национальная идентификация отнюдь не безразлична студенческой молодежи, и, судя по обобщенным результатам, межэтническое взаимодействие находится в актуальной повестке дня для новых поколений российских граждан.

Работа выполнена при финансовой поддержке госзадания № 2014/33 Министерства образования и науки России в сфере научной деятельности.

Литература

1. Скорик А.П., Цыбульникова А.А. Россия и «революция потребностей» у северокавказских народов в XIX в.: исторический опыт снижения конфликтогенности // История в подробностях (г. Москва). – 2012. – № 12. – С. 86–91.
2. Цыбульникова Н. Межэтнический обмен достижениями материальной культуры на Кубани во второй половине XIX – начале XX в. // Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Армавир, 2012. – С. 147.
3. Азизова В.Т. Роль обеспечения единства правового пространства Российской Федерации как фактор укрепления ее национальной безопасности // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – Вып. 2. – С. 28.
4. Джабаева Т.Ч. Социальная роль мусульманского духовенства в обществе Дагестана в XIX в. // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – Вып. 4. – С. 93.
5. Цыбульникова Н. Мониторинг социологических замеров // Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Армавир, 2012. – С. 4.
6. Гарунова Н.Н. Мониторинг социологических замеров межнационального взаимодействия в Республике Дагестан: предварительные итоги // Социально-экономические и гуманитарно-правовые аспекты развития регионов России: V региональная научно-практическая конференция 25 апреля 2013. – Избербаш, 2013. – С. 45.
8. Касумова Р.А., Гарунова Н.Н. Реалии и перспективы в формировании культуры межнационального общения молодежи XX в. в России III // Научный потенциал молодежи в решении задач модернизации России: материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, магистров и студентов. – Пятигорск, 2014. – С. 56.

Поступила в редакцию 31 декабря 2013 г.

UDK 9.93/94(159.947)

Newsworthiness, traditionalism and routine in the international interaction of the student communities of North Caucasus

N.N. Garunova¹, A.P. Skoryk², A.A. Tsybulnikova³

¹ Dagestan State University; garunovanina@mail.ru

² M.I. Platov South-Russian state technical University; s_a_p@mail.ru

³ Armavir State Pedagogical Academy; ana555000@yandex.ru

The article covers the processes among students that mirror perspective national processes in the republic as well as model them.

Keywords: *routine, ethnic tensions, local authorities, national identity, multiethnic region, sociological monitoring, studentship, ethnic tolerance, ethnic sociotype, ethno-cultural dialogue, South-Russian university.*

Received December 31, 2013